

Стрелок И и миф о сбивании солнц

Алексей Романчук, Екатерина Пантелеева

25.02.2008

Статья была опубликована в сборнике «Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции». С.-Петербург, 7-10 февраля 2007 г. /Сост. и отв. ред. С.В.Пахомов. Спб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2007. - 817 с., с. 473-481

В синологии считается общепринятым, что древнекитайская цивилизация представляла собой результат синтеза ряда локальных традиций. Важнейшими из них признаются Чжоу (центральная субтрадиция) и Чу (южная). Также общепринятым считается связывать происхождение конфуцианства с Чжоу, а даосизма – с Чу.

Данная статья посвящена вопросу - какой именно из локальных субтрадиций, лежавших у истоков древнекитайской цивилизации, принадлежал изначально Стрелок И?

Древнекитайские солярные представления включают в себя три основных сюжета (Кравцова 2003: 171-173).

Все три сюжета впоследствии, по мнению М. Е. Кравцовой, были объединены в один общий, связанный с искусным стрелком по имени И.

Согласно этому объединенному сюжету, дети Си-хэ, десять солнц, ежедневно по очереди совершали свой строго определенный путь по небу в колеснице. За долгие годы такой строгий порядок братьям-солнцам надоел. Однажды они все вместе вылетели на небо, не желая садиться в колесницу. Теперь на небе сияло сразу десять солнц. Люди гибли, изнемогая от жары. Тогда император Яо (или Шунь) послал на землю небесного стрелка И, приказав ему усмирить солнца. Меткий стрелок сразил сразу девять солнц, оставив последнее перепуганное солнце в живых.

Гипотеза о чжоуском происхождении мифа о Стрелке И в современной синологии: постановка проблемы.

Гипотеза о чжоуском происхождении Стрелка И была предложена М.Е. Кравцовой: «культурный герой чжоусцев - Стрелок», уничтоживший девять солнц, восстанавливает миропорядок, является мифологизированным преданием о покорении чжоусцами Шань-Инь (Кравцова 1994: 162).

Обращаясь к этому вопросу, заметим прежде всего, что в сюжетной линии мифа о Стрелке И тем не менее присутствует «хождение на запад» самого героя за эликсиром бессмертия, что по М.Е. Кравцовой является исконно чужским сюжетом «путешествием-ю», никак не относящимся к чжоуской культуре. Мы видим также, что сюжеты, связанные с героем содержат ряд и других элементов (гора Куньлунь, персиковое дерево), характерных именно для чужской традиции.

Немаловажно и то, что миф о сбивании лишних солнц Стрелком И упоминается как раз «Тянь взнь», «Шаньхайцзин» и «Хуайнаньцзы» - памятниками, отражающими «южную» субтрадицию (Чу). Кроме того, в погребальном искусстве ханьского периода используются сюжеты о Стрелке И. Причем особо популярны они на востоке, юге

(Наньян) и юго-западе (Сычуань) Китая (Кравцова 2004: 427). То есть, как раз за пределами бывшей территории Чжоу.

Обратившись к упоминаниям Стрелка И в доступных нам переводах китайских текстов, мы сгруппировали их по принципу - к какой субтрадиции, Чу или Чжоу, восходит данный текст (Романчук, Пантелеева, в печати).

В результате выяснилось, что сообщения о Стрелке И, в зависимости от принадлежности текста к той или иной традиции, различны.

И, хотя в памятниках, восходящих к «южной» субтрадиции, есть и упоминания, как будто не слишком «льстящие» Стрелку И (был убит посохом из персикового дерева), в целом – это именно положительное отношение. Стрелок И – персонаж яркий, заметный, с ним связываются разнообразные и очень важные положительные поступки.

В «чжоуских» же источниках упоминаний о Стрелке И намного меньше, этот герой чаще характеризуется как отрицательный. И, что очень важно - он малозначительный персонаж, и фактически, описывается только либо отрицательно, либо как искусный стрелок.

Проблема степени обособленности Чу и Чжоу.

Анализ сведений о Стрелке И в древнекитайских текстах говорит о необходимости сделать важное уточнение.

А именно, очень большим шагом для синологии стала идея о возникновении древней китайской цивилизации в результате синтеза ряда локальных традиций. В первую очередь, царств Чу и Чжоу. Но можно заметить, что сегодня в синологии абсолютизируется «чистота» одной культуры от другой. И при этом как-то забывается, что мы реконструируем мифологии как Чу, так и Чжоу по текстам, которые возникли уже как результат общения этих двух традиций. А в определенной мере – и синтеза.

Так, С.А. Старостин хорошо показал, что в Древнем Китае памятники одной традиции могли быть написаны на диалекте другой. По его мнению, китайские памятники, написанные на раннем классическом древнекитайском языке, распадаются на две группы. К первой относится текст «Даодэцзин», а к другой - Сюньцзы, стихи Цюй Юаня и Сун Юя (Старостин 1989: 445). При этом, диалект «Даодэцзин» - даосского трактата, восходит к диалекту «Шицзин» - памятника традиции Чжоу (Старостин 1989: 450). «Сюньцзы» же, традиционно относимый к конфуцианской традиции, написан на том же диалекте, что и поэмы Цюй Юаня. И к этому диалекту восходит и язык «Хуайнаньцзы» - даосского трактата.

Таким образом, получается, что даже исконно даосские памятники тесно связаны с конфуцианской традицией и наоборот.

К аналогичному выводу пришел и С. В. Филонов. В докладе, представленном на третьей конференции «Торчиновские чтения» (2006, февраль), он показал, что и «Даодэцзин», и «Чжуанцзы» - тексты, передающие даосские идеи, но создание их связано с элитой «центральной» субтрадиции.

То есть, взаимоотношения «южной» и «центральной» субтрадиций к моменту создания большинства текстов, содержащих упоминания о Стрелке И, были слишком сложны, чтобы ожидать простого, «черно-белого» распределения при анализе каких-либо мотивов и сюжетов. Но уловить тенденцию отношения, характерного для определенной субтрадиции – все же возможно.

И эта тенденция, видимо, заключается в том, что для «южной» субтрадиции Стрелок И был одним из очень важных и положительных персонажей. Для «центральной» же – второстепенным и отрицательным.

Поэтому, можно сказать, что версия об его чжоусском происхождении вызывает у нас серьезные сомнения.

Анализ гипотезы об антиконфуцианской направленности поэмы «Тянь Вэнь» Цюй Юаня.

Для того, чтобы убедиться в этом, рассмотрим ключевой аргумент концепции М.Е.Кравцовой - гипотезу об антиконфуцианской направленности поэмы Цюй Юаня «Тянь Вэнь».

Идея М.Е.Кравцовой о направленности поэмы прежде всего против конфуцианства основана на антипатии Цюй Юаня к пропагандируемым чжоусцами героям Шуню и Яо (Кравцова 1994: 149). Из этой предпосылки, исследовательница делает вывод, что риторические вопросы, связанные со Стрелком И, являются аналогичной предыдущей антипатией «чжуского» автора к «чжоускому» герою.

Прежде всего, мы считаем, что вывод об антиконфуцианской направленности поэмы может быть сделан только в том случае, если поэма в целом ему удовлетворяет. Нельзя, вырвав из контекста какую-либо часть поэмы, пытаться уловить идею Цюй Юаня. Поэтому мы попытались проверить гипотезу об антиконфуцианской направленности исходя из поэмы в целом.

После внимательного изучения поэмы, мы пришли к выводу, что «скептицизм» автора направлен не только на царство Чжоу, но и на иньских, сяских героев, на сюжеты, связанные с царством Чу (!), а также на общефилософские догмы древнего Китая.

В целом, мы разделили (Романчук, Пантелеева, в печати) риторические вопросы на шесть групп. Особо интересными для нас являются первая и вторая группы:

1. вопросы, затрагивающие чжуских героев;
2. общефилософские вопросы, критикующие, в основном, даосскую картину мира;

Недостаток места не позволяет привести подробный анализ данных групп. Поэтому мы представим только самые яркие моменты.

Например:

Кто держит солнце и луну,
Кто звездам утвердил часы,
Дал выход солнцу из Тангу,
Заход - за скалами Мынсы?

Этот же сюжет содержится в памятнике, восходящем к чжуской субтрадиции, Хуайнань-цзы: «Солнце восходит из Тангу, омывается в Озере Солнц, задевает Солнечную Шелковицу» (цит. по: Кравцова 1994: 164).

Всех гор превыше Куэньлунь! -
Где ж там садам Сяньпу дышать?

Куэньлунь - гора, являющаяся географическим обозначением Сакрального Центра чусцев. Именно там росли висячие сады Сюаньпу (Рифтин 1992: 28-29). Впрочем, М. Е. Кравцова полагает, что Цюй Юань здесь сомневается в чжоусском синкрете – к горе Куэньлунь чжоусцами были добавлены сады Сюаньпу, и именно это и вызвало несогласие Цюй Юаня (Кравцова 1994: 193). Но контекст упоминания садов

Сюаньпу в другой поэме Цюй Юаня, «Лисао» (строфа 95) (Кравцова 1994: 194), не оставляет сомнений – Сюаньпу есть именно чусская мифологема.

Кстати, этот пример показывает еще одно. Не только нельзя судить о «Тянь вэнь» по отдельным фрагментам, но нельзя понять ее, не привлекая и «Лисао». Так, в «Лисао» встречаются вполне благожелательные отзывы о тех героях, которых М. Е. Кравцова полагает конфуцианскими. Например, среди значимых, сакральных мест, которые решает посетить Цюй Юань (приказав (!) Си-хэ подхлестнуть скакунов), упоминается и гора Цаньфу – место погребения Шуня (Кравцова 1994: 141).

И какова величина
Змеи, глотающей слона?

Очень интересным является сюжет о змее, которая глотает слона. На самом деле, в «Хуайнаньцзы» она встречается как Длинный Змей, который заглатывал слона, переваривает его три года, а потом выплевывал кости (Яншина 1984: 171). Длинный змей был одним из тех чудовищ, которых убил Стрелок И во время своих подвигов.

К Длинному Змею можно прибавить еще ряд фантастических существ, упоминаемых в «Тянь вэнь» - рыболюди, птицы с когтями тигров и т.д. Помимо того, что они упоминаются в памятнике, восходящем к «южной» субтрадиции (ШХЦ 1977: 35, 56), в целом, именно стремление к мифологизации мира, к представлению о реальности фантастических существ и людей полагается отличием традиции Чу и восходящего к ней даосизма от традиции Чжоу, и, соответственно, конфуцианского видения мира.

Можно процитировать и много отрывков, которые соответствуют представлениям даосской мифологии и космогонии: где страна бессмертных, как частицы ян и инь образовали мир, горы Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу и т.д. Кроме того, ряд вопросов, несмотря на очевидные аналогии в даосской философии, можно вообще отнести к размышлениям поэта над извечными человеческими вопросами – кто устроил мир, и почему именно так, а не иначе? Почему от солнца светло, а без него – темно? Где скрывается умерший месяц?

Поэтому, по нашему мнению, неправомерным является утверждение об антиконфуцианской направленности поэмы. Скорее, поэму Цюй Юаня правильнее называть философскими размышлениями о мире, его законах, и тех объяснениях мира, которые предлагались. И, мы не случайно выше в связи с анализом поэмы берем в кавычки слова «критикует» и их синонимы. Возможно, Цюй Юань и полемизирует с теми мифологемами, которые используются в «Тянь Вэнь». Но значит ли это, что он считает эти мифологеми беспардонной выдумкой, и сомневается в их реальности?

Скорее, суть в том, на наш взгляд, что Цюй Юань ни с кем не спорит. Он - «задумывается». Как устроен мир? Почему так, а не иначе? Почему мир несправедлив? Поэтому, эту поэму можно сравнить, например, с «Вавилонской теодицеей». Это еще очевидней, если добавить к анализу и «Лисао». В «Лисао» жалоба на несправедливость мира проходят красной нитью через всю поэму. Преуспевают льстецы и карьеристы, а Цюй Юань – чужой в этом мире. Именно поэтому, на наш взгляд, поэма «Тянь Вэнь» тоже не свидетельствует о «чжоуском» происхождении Стрелка И.

Стрелок И и палеоазиатская мифология.

Предлагая чжоуское происхождение мифа о Стрелке И, М.Е. Кравцова исходит из гипотезы о палеоазиатских, в конечном итоге, корнях мифологеми о Стрелке И и сбивании лишних солнц. По ее мнению, «эпизод астральной охоты и «вороньи»

мотивы делают этот миф похожим на аналогичные сюжеты, присущие верованиям народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки» (Кравцова 1994: 146).

К северу от Китая данная мифологема действительно встречается у народов области Амур-Сахалин, таких как нивхи, нанайцы, удэгейцы (Иванов 1992: 461). Но необходимо учесть, что сегодня данные народы не относятся к палеоазиатской группе (Мелетинский 1992: 274).

У собственно же палеоазиатов - нет никаких аналогий мифу о Стрелке И и десяти солнцах. В этом можно убедиться, обратившись к монографии Е. М. Мелетинского (Мелетинский 1979). «Вороньи» мотивы встречаются отдельно - у собственно палеоазиатов, а миф о сбивании солнц - у народов Нижнего Амура и Сахалина.

Кроме того, схожий сюжет встречается и в верованиях монголов, ойратов и тувинцев. В мифологии данных народов существовал персонаж Эрхий-Мерген или «Стрелок Большой Палец» (Неклюдов 1992: 669).

Достаточно недавно Ю.Е. Березкин с соавторами представили более полные данные о распространении и ареале ряда мифологических сюжетов (<http://www.ruthenia.ru/folklore/korotayev1.htm>). Это позволяет уточнить и распространение интересующей нас мифологемы. Анализ данной работы приводит нас к подтверждению сделанного выше вывода - сюжет о сбивании солнц при помощи лука и стрел действительно встречается к северу от Китая. Но - не у народов палеоазиатской группы.

Однако, и авторы этой работы не включили в поле своего зрения существование аналогичных мифологем о сбивании лишних солнц – к югу от Китая. Между тем, это существенно важно.

«Южные» параллели мифу о Стрелке И.

Например, аналогию мифу о Стрелке И мы видим у народов тайской языковой семьи.

В мифологии черных тай Лаоса существовали мальчик и девочка Кап и Ке, которые спаслись от потопа (Чеснов 1992: 662). В мифе о Кап и Ке существовало два дерева. Когда сыновья Кап и Ке срубили их, на небе засияли сразу девять лун и восемь солнц. Наступила страшная жара, и все живое начало погибать. Тогда по повелению По Тхена селезень склевал семь лун и восемь солнц, и мир был спасен.

Встречается миф и у других тайских народов, например – лэ.

Кроме тайских народов, миф о первоначальном существовании нескольких солнц (семи) присутствует и среди космогонических мифов кхмеров (Чеснов 1992а: 340).

Еще более близкую аналогию мы встречаем в мифологии народности мео, во Вьетнаме. У мео верховное божество Ндо Тъы (Никулин 1992: 206) сотворил небо, землю, десять солнц, девять лун и звезды. Солнца, луны и звезды были созданы для того, чтобы просушить землю. Они светили одновременно, и людям стало жарко на земле. Тогда они сделали лук и стрелы и сбили лишние светила.

Помимо этого, в мифологии народа ман во Вьетнаме, который также входит в группу мяо-яо, существует волшебный стрелок Льюнг Вунг. Считается, что после всемирного потопа на небе появилось 12 светил, и от их тепла земля быстро просохла. Но и после того светила продолжали гореть, и на земле засохли все растения. Тогда появился Льюнг Вунг и сбил стрелами все светила, оставив одну луну и одно солнце (Никулин 1992а: 82).

Крайне интересную информацию предоставляет нам Б. Рифтин. «... у народа чжуан в юго-восточном Китае, у народов и, мяо и других... У народа чжуан до сих пор

бытует песня о Тэкан, совершившем подвиг, аналогичный подвигу стрелка И в китайских мифах. У чжуан в песне двенадцать солнц по числу месяцев, и Тэкан тоже хотел застрелить все светила, но народ стал умолять его оставить одно солнце, чтобы зрели злаки и было тепло людям. И народ мяо сохранил песню о стрельбе героя Ян Я в солнца, которые светят вместе с лунами... По другой, более поздней легенде мяо, этот подвиг совершил Чжан Го-лао (бессмертный, образ которого мяо заимствовали из даосской мифологии). Есть этот же миф и у народа буи, героя его зовут Ван Цзян, а солнц также было двенадцать» (http://www.dragon-nest.ru/def/china_myth12.php).

Сравнительный анализ «северных» и «южных» мифологем.

Итак, миф о сбивании лишних солнц широко представлен к югу от Китая. Но, что еще важнее, сравнительный анализ «северных» и «южных» мифологем приводит нас к мысли о распространении мифа о сбивании лишних солнц – именно с юга на север.

Так, наиболее близким по содержанию к китайской мифологеме является сюжет о Ндо Тъы и десяти солнцах народности мео. Совпадают количество солнц и сбивание их при помощи лука и стрел. Не менее близок к древнекитайскому и миф о Льюнг Вунге.

У всех «южных» вариантов солнц – много, фактически они стремятся к десяти – двенадцати, и прямо сопоставляются в некоторых «южных» традициях с количеством месяцев в году. Напомним, что именно этот смысл М. Е. Кравцова реконструирует в иньском солярном мифе.

Герой, который их сбивает – первопредок, важнейший персонаж мифологии данного народа. Сбивание солнц трактуется как безусловно положительное деяние.

У монголов же, тувинцев и ойратов, хоть и существует персонаж Эрхий-Мерген, который сбивает солнца, но он трактуется как отрицательный герой, совершающий разрушительные действия, за что и терпит наказание. Кроме того, в этой мифологеме сбиваемых солнц меньше (иногда – namного), а сам Эрхий-Мерген - герой малозначительный. И представлен он не у всех групп ойратов и тувинцев (Неклюдов 1992: 669).

Незначительное место занимает и в целом миф о сбивании солнц в мифологиях монголов, тувинцев и ойратов. Это – периферийный сюжет их мифологий.

Таким образом, четко прослеживается редуцированность мифологемы о десяти солнцах и стрелке, который их сбивает, от юга, где данный сюжет наиболее полон, к северу, где количество солнц все уменьшается, исчезают луны, а образ стрелка приобретает отрицательные качества.

На этом основании можно сделать вывод, что миф о Стрелке И, сбившем девять солнц, пришел с юга и попал в мифологию Чу. И, очевидно, неслучайно, что именно миф народа мяо – максимально близок к тем вариантам, которые представлены в древнекитайских текстах.

Литература:

Берёзкин Ю.Е., Коротаев А.В., Давлетшин А.И., Халтурина Д.А., Григорьян К.Э. Саяно-америндский комплекс мифологических мотивов // <http://www.ruthenia.ru/folklore/korotayev1.htm>

Иванов В.В. 1992 Солярные мифы // Мифы народов мира, т.2, М

Кравцова М.Е. 1994 Поэзия Древнего Китая. Опыт культурологического анализа. СПб.

- Кравцова М.Е. 2003 История культуры Китая. СПб.
Кравцова М.Е. 2004 История искусства Китая. СПб.
Мелетинский Е.М. 1992 Мифология палеоазиатских народов // Мифы народов мира, т.2, М.
Мелетинский Е.М. 1979 Палеоазиатский мифологический эпос. М.
Неклюдов С.Ю. 1992 Эрхий-Мерген // Мифы народов мира, т.2, М.
Никулин Н.И. 1992 Ндо Тъы // Мифы народов мира, т.2, М.
Никулин Н.И. 1992а Лыонг Вунг // Мифы народов мира, т.2, М.
Рифтин Б.Л. 1992 Куньлунь // Мифы народов мира, т.2, М.
Рифтин Б.Л. Изучение китайской мифологии и книга профессора Юань Кэ// http://www.dragon-nest.ru/def/china_myth12.php
Романчук А.А., Пантелеева Е.Б., в печати Древнекитайский миф о Стрелке И: Чу или Чжоу? Stratum plus 2005-2006, 2, Кишинев
Старостин С.А. 1989 Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М.
ШХЦ 1977: Шань Хай Цзин (в пер. Э.М.Яншиной) М. 1977
Чеснов Я.В. 1991 Кап и Ке // Мифы народов мира, т.1, М.
Чеснов Я.В. 1992 Промы // Мифы народов мира, т.2, М.
Яншина Э.М. 1984 Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.